

Максим Валерьевич МЕЛЬНИКОВ,

адъюнкт

Академии управления МВД России (г. Москва)

exelent_007@mail.ru

ОБЪЯСНЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

EXPLANATION AS A SOURCE OF EVIDENCE AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE: STATEMENT OF THE PROBLEM

Статья посвящена проблемам использования в качестве доказательства по уголовному делу объяснений, полученных в ходе осуществления проверки сообщения о преступлении. Автор анализирует различные точки зрения, вносит некоторые предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регулирующих процесс доказывания. Помимо этого автором делается вывод о необходимости использования информации, содержащейся в объяснениях, в доказывании по уголовным делам при условии соответствия ее принципу оценки доказательств с позиции их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также возможности использования участником проверки прав и гарантий, непосредственно затрагивающих его интересы.

The article is devoted to the problems of using as evidence in a criminal case the explanations obtained during the verification of a crime report. The author analyzes various points of view regarding this issue, makes some suggestions for improving the criminal procedure rules governing the process of proof. In addition, the author concludes that it is necessary to use the information contained in the explanations in proving criminal cases, provided that it complies with the principle of evaluating evidence, from the point of view of their relevance, admissibility, reliability and sufficiency, as well as the possibility of using the rights and guarantees directly affecting its interests by the participant in the verification.

Ключевые слова: объяснение, доказывание, доказательства, проверка сообщения о преступлении, следственные и процессуальные действия, иные документы.

Keywords: explanation, proof, evidence, verification of a crime report, investigative and procedural actions, and other documents.

На сегодняшний день этап процессуальной проверки сообщения о преступлении имеет принципиально важное значение для дальнейшего расследования ввиду того, что немалую часть следственных и иных процессуальных действий, проводимых на данном этапе, зачастую достаточно затруднительно эффективно реализовать после возбуждения уголовного дела.

К таким следственным действиям можно отнести, например, получение первоначаль-

ной информации от заинтересованных участников процессуальной проверки, которая обличается в форму объяснения.

Несмотря на то, что законодатель наделяет должностных лиц полномочиями получать объяснения при проведении проверки сообщения о преступлении [10], процессуальная форма получения объяснения как доказательства по уголовному делу до настоящего времени уголовно-процессуальным законом не закреплена. Существует подход [7, с. 74],

согласно которому объяснение расценивается как иной документ, что, вероятно, не вполне обоснованно, ведь таким образом объяснение формально приравнивается к обозначенным в статье 84 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) материалам фото- и кино- съемки, аудио- и видеозаписи и иным носителям информации, хотя, на наш взгляд, они несоотносимы. Более того, рассмотрение объяснения в качестве иного документа не решает проблемы его доказательственного значения, так как по своей правовой природе иные документы не предполагают фиксации сведений, относящихся к обстоятельствам преступления, сообщенных участниками уголовного судопроизводства. Отвечает таким требованиям такой вид доказательства, как показание, которые могут быть получены только в ходе производства допроса (очной ставки), а иные документы не отвечают цели фиксации показаний [9, с. 156].

При этом стоит отметить, что сведения, установленные в ходе проверки сообщения о преступлении и содержащиеся в объяснении, в последующем могут послужить как для решения вопроса о наличии признаков преступления и возбуждении уголовного дела, так и для установления истины по уголовному делу при расследовании в форме сокращенного дознания (ст. 226.5 УПК РФ). Поэтому возможность придания объяснению доказательственного значения является крайне важным аспектом, требующим законодательного разрешения.

В продолжение обозначенной нами позиции, следует отметить, что положениями ч. 11 ст. 144 УПК РФ предусмотрена необходимость разъяснения лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, как их прав и обязанностей, так и одновременно обеспечения прав и законных интересов данных лиц в части, их затрагивающей, однако конкретизирующие нормы, предопределяющие порядок и условия такого разъяснения, в УПК РФ отсутствуют.

Из сказанного следует, что уголовно-процессуальный закон сегодня не содержит пе-

речня прав, которые должны быть разъяснены, и указаний, в каком объеме и каким участникам, что в данном контексте полагаем вполне объяснимым, поскольку процессуальные права, гарантии и обязанности являются составляющими элементами процессуального статуса лица, регламентация которого на этапе доследственной проверки законодателем не предусмотрена.

Данный вопрос представляется крайне актуальным, ведь при отсутствии закрепленного перечня процессуальных прав, являющихся составной частью процессуального статуса конкретного участника уголовного процесса, вряд ли можно говорить о законности проводимых следственных действий, в частности получения объяснения, что является препятствием для дальнейшего использования юридически значимых фактов, в нем содержащихся, в процессе доказывания.

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, чем по существу является объяснение, необходимо уделить внимание рассмотрению его правовой природы, отметив, что учеными на этот счет высказываются различные мнения. Например, В.Ю. Стельмах говорит об уголовно-процессуальной правовой природе объяснения, поставив под сомнение его административно-правовые корни. Им приводится точка зрения, согласно которой процессуальный порядок объяснения отождествляется с порядком производства допроса, которому по возможности он должен соответствовать [9, с. 148].

Указанная точка зрения, на наш взгляд, не вполне соответствует содержанию действующих норм УПК РФ, потому как:

во-первых, нельзя отрицать, что отсутствие процессуальной формы объяснения не только не предусматривает возможности разъяснения лицу ряда фундаментальных прав, но и делает невозможным предупреждение лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний, что, в свою очередь, ставит под сомнение соблюдение принципов относимости и допустимости доказательств (хотя стоит отметить, что единая позиция относительно данного момента отсутствует и в

правоприменительной практике, где встречаются случаи предупреждения лица об уголовной ответственности, предусмотренной санкциями статей 307-308 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ);

во-вторых, несмотря на положения статьи 144 УПК РФ, на сегодняшний день сведения, содержащиеся в объяснении, не расцениваются как показания лица и если и используются в уголовном судопроизводстве, то в качестве иных документов.

Указанные выше причины, а именно отсутствие процессуального статуса у участников проверки сообщения о преступлении, влекущее невозможность установления круга их субъективных прав и гарантий, и, как следствие, отсутствие механизма, гарантирующего достоверность получаемых сведений, обуславливают невозможность придания объяснению доказательственного значения.

В то же время получение объяснений представляет собой наиболее часто применяемое проверочное действие, в связи с чем вопрос о его правовой природе является сегодня в науке достаточно обсуждаемым. Некоторые авторы придерживаются мнения о том, что с точки зрения правового регулирования объяснение, получаемое в стадии возбуждения уголовного дела, представляет собой административно-правовой акт [8, с. 66].

Однако наиболее преобладающей является точка зрения, поддерживаемая рядом ученых [4, с. 59; 12, с. 393; 13, с. 361], согласно которой объяснение все же является уголовно-процессуальным актом. Автору представляется, что данная точка зрения является вполне обоснованной, поскольку непосредственное действие – получение объяснения предусмотрено нормами уголовно-процессуального права и отвечает потребности решения задач уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела

Следовательно, хотя объяснение и не предусмотрено в качестве самостоятельного вида доказательства в ст. 74 УПК РФ, полагаем, что оно все же представляет собой уголовно-процессуальное действие, требующее во время его проведения максимального

применения общих правил, предъявляемых к формированию доказательств, что, на наш взгляд, следует отразить в конкретной норме уголовно-процессуального закона.

В связи с вышесказанным далее считаем целесообразным рассмотреть вопрос о том, каким должен быть процессуальный статус лица, от которого отбирается объяснение, и необходим ли он в целом, а также перечень каких именно процессуальных прав и гарантий он должен содержать.

В настоящее время процесс получения объяснений не имеет различий и не зависит от правового положения лица. Полагаем, что в первую очередь, говоря о возможности использования объяснения в качестве доказательства по уголовному делу, следует констатировать, что оно должно дифференцироваться в зависимости от процессуального статуса лица, участвующего на этапе проверки сообщения о преступлении. При этом каждый участник должен обладать индивидуальным набором прав и гарантий, соответствующих его правовому положению, что, в свою очередь, невозможно без закрепленного процессуального статуса.

Обращаясь к данному вопросу, следует уточнить, что законодатель не конкретизирует круг лиц, у которых следователь или дознаватель могут получать объяснения. При этом в соответствии с положениями ч. 11 ст. 144 УПК РФ следует отметить, что сведениями, имеющими значение для уголовного дела, могут обладать непосредственно заявитель, очевидцы совершенного деяния, лицо, заподозренное в совершении преступления, лица, которые обладают оперативно значимой информацией, понятые, а также специалист и эксперт, однако их наделение процессуальным статусом на этапе проверки сообщения о преступлении закон сегодня не предусматривает.

Хотя логично предположить, что каждый из перечисленных выше участников, обладая юридически значимыми сведениями, в зависимости от своего положения должен иметь строго определенный круг прав, присущий ему в той части, в которой производимые

процессуальные действия (в частности речь идет о получении объяснения) затрагивают их интересы.

Продолжая указанную мысль, стоит отдельно рассмотреть как возможность приобретения лицом процессуального статуса до момента возбуждения уголовного дела, так и необходимость конкретизации процессуального статуса, присущего конкретным участникам проверки заявления, сообщения о преступлении.

Существуют несколько путей решения данного вопроса, указанных в юридической литературе. Некоторыми учеными предлагается наделение вышеуказанных участников самостоятельным процессуальным статусом [1, с. 79; 12, с. 37]. Другими обосновывается необходимость признания лица потерпевшим, а также придания процессуального статуса остальным участникам этапа проверки сообщения о преступлении в постановлении о возбуждении уголовного дела [3, с. 13; 5, с. 15].

Рассматривая изложенные выше точки зрения, все же полагаем нецелесообразным введение дополнительного процессуального статуса для участников предварительной проверки сообщения о преступлении, поскольку это способно придать излишнюю громоздкость юридической терминологии, используемой в уголовном судопроизводстве. Фактически это приведет к тому, что один и тот же участник уголовного судопроизводства, выполняя одну и ту же функцию, будет иметь два равноименных статуса, что поставит вопросы как соотношения объема его прав в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, так и необходимости установления момента утраты одного процессуального статуса и приобретения другого.

Вместе с тем следует сказать и о том, что появление у лица процессуального статуса одновременно с возбуждением уголовного дела также не решит обозначенных проблем, так как на вопрос о правоспособности и процессуальной самостоятельности лиц до начала предварительного расследования в данном случае это не повлияет.

При этом можно согласиться с мнением некоторых ученых [2, с. 148] о необходимости придания лицу статуса потерпевшего в момент подачи им заявления о преступлении. Так, рассуждая, например, о возможности признания лица потерпевшим до начала предварительного расследования, стоит в первую очередь отметить, что, обозначая его как участника уголовного судопроизводства, законодатель говорит о потерпевшем как о физическом лице, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, или юридическом лице в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Крайне важным, на наш взгляд, здесь является то, что факт причинения вреда преступлением, как один из признаков, определяющий деяние как уголовно наказуемое, устанавливается уже на этапе доследственной проверки.

Ввиду того, что немалая часть преступлений, предусмотренных УК РФ, имеет материальный состав, решение о возбуждении уголовного дела в большинстве случаев принимается, исходя именно из наличия причиненного вреда и его характеристик. В соответствии с вышесказанным факт причинения вреда лицу, пострадавшему от совершенного преступления, устанавливается и подтверждается еще до момента возбуждения уголовного дела, а следовательно, исходя из законодательного установления понятия потерпевшего, предусмотренного ст. 42 УПК РФ, определение статуса данного участника может иметь место уже на этапе предварительной проверки, однако, как отмечено выше, хотя решение об этом принимается должностным лицом только в рамках возбужденного уголовного дела.

Однако если статус потерпевшего может быть определен на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении, соответственно, на данном этапе можно определить и объем его процессуальных прав, который уже установлен законом. Из вышесказанного следует, что стоит рассмотреть возможность закрепления и использования данных прав при получении объяснения от

лица, пострадавшего от преступления. Это, в свою очередь, послужит приведению объяснения в соответствие с требованиями допустимости и возможности его дальнейшего использования в качестве доказательства при расследовании уголовного дела.

Более того, наделив пострадавшее от преступления лицо процессуальным статусом, должностное лицо получает возможность предупреждения его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, что с точки зрения объективности и достоверности доказательств является значительным преимуществом по сравнению с сегодняшним статусом объяснения такого лица.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что положениями ст. 226.5 УПК РФ при осуществлении дознания в сокращенной форме предусмотрена возможность не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за некоторыми исключениями.

Таким образом, законодателем сегодня прямо предусмотрена возможность использования в качестве доказательств по уголовному делу объяснений, полученных при проведении проверки сообщения о преступлении. Однако в данном случае круг полномочий правоприменителя ограничен рамками лишь формы предварительного расследования и не распространяется на предварительное следствие и дознание в общем порядке.

Ввиду того, что основной задачей указанного этапа является установление признаков преступления, очевидным представляется необходимость уделения должного внимания вопросу достоверности сведений о преступлении и юридических фактов, их определяющих.

Соответственно, если на этапе проверки сообщения о преступлении требуется зафиксировать какие-либо обстоятельства, необходимо сделать это с максимальной степенью достоверности, хотя бы для того, чтобы не дублировать установление тех же самых обстоятельств на последующих стадиях уголовного процесса [6, с. 343].

Добиться реализации указанных выше положений невозможно до тех пор, пока правовой статус лиц, обладающих сведениями, имеющими значение для уголовного дела, не будет на данном этапе расследования законодательно регламентирован.

Это еще раз подтверждает вывод о том, что фактические данные, полученные на этапе осуществления проверки сообщения о преступлении и содержащиеся в объяснении, все же могут являться доказательствами, но при условии, если процессуальная форма их выражения при расследовании уголовного дела будет законодательно предусмотрена.

Библиографический список

1. Башкатов, Л.Н. Глава 7: Участники уголовного судопроизводства на стороне защиты / Л.Н. Башкатов, Г.Н. Ветрова // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Велби, 2002.
2. Гаврилов, Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? / Б.Я. Гаврилов // Публичное и частное право. – 2015. – № 4 (28).
3. Гуськова, А.П. Актуальные вопросы защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве / А.П. Гуськова // Защита прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве. – М.: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета, 1999.
4. Зинатуллин, З.З. Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголовным делам / З.З. Зинатуллин, С.Ю. Туров // Сборник материалов международной научно-практической конференции Уфимского юридического института МВД России. – Уфа, 2012.

5. Лаврешин, Ю.И. Процессуальные гарантии реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.И. Лаврешин. – Ставрополь, 2009.
6. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014.
7. Мамедов, О.Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу / О.Я. Мамедов // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – N 3.
8. Петрухин, И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 2005. – N 1.
9. Стельмах, В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение / В.Ю. Стельмах // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – N 5.
10. Хатуаева, В.В. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения / В.В. Хатуаева // Российский следователь. – 2005. – N 1.
11. Хитрова, О.В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела: за и против / О.В. Хитрова // Правовое и криминалистическое обеспечения управления органами расследования преступлений : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции: в 3 ч. – М., 2011. – Ч. 1.
12. Шамонова, Т.Н. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела и начало уголовного судопроизводства / Т.Н. Шамонова // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : сборник материалов международной научно-практической конференции: в 2 ч. – М., 2014. – Ч. 2.